

S E R I E S M I N O R

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

3-е издание

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

*Перевод с немецкого и комментарии
Сергея Жигалкина*

3-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2016

УДК 1.14
ББК 87.21
X 12

Хайдеггер Мартин

X 12 Лекции о метафизике / 3-е издание. Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2016. — 176 с. — (Studia philosophica. Series minor).

ISBN 978-5-94457-261-5

В книге представлена важнейшая лекция Мартина Хайдеггера «Что такое метафизика?» и главы из курса лекций о Ницше. Особое внимание неизменно уделяется самым основам метафизики, даже когда речь как будто идет о другом, поэтому лекции дают некоторое представление о позиции и философии Хайдеггера в целом. Книга не предназначена для широкого круга читателей, даже для любителей сложных умственных построений, хотя бы потому, что для углубления в философию этого замечательного мыслителя одного интеллектуального усилия недостаточно — необходимо еще и экзистенциальное. Однако для тех, кто не может не думать о смысле и сущности собственной жизни, вообще бытия, эти лекции могут оказаться очень полезными, захватывающими и интересными. В издание в качестве приложения включена статья Элизабет Фёрстер-Ницше «О создании „Так говорил Заратустра“».

ББК 87.21

© Жигалкин С. А., составление, перевод на русский язык, комментарии, 2014

© Языки славянской культуры, издание на рус. яз., оформление, 2016

ISBN 978-5-94457-261-5

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика 7

ЧТО ТАКОЕ МЕТАФИЗИКА?

Постановка метафизического вопроса 21

Углубление в вопрос 24

Ответ на вопрос 30

Послесловие 39

Комментарии 48

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НИЦШЕ И ЕЕ РОЛЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ РАВНОГО

Введение

§ 1. Учение о вечном возвращении
как метафизическая концепция.
Определяющиеся этим этапы исследования. 59

Часть I

Предварительное обсуждение учения о вечном
возвращении равного. Происхождение,
форма выражения, область действия

Глава I

Учение о вечном возвращении в опубликованных
произведениях. Линия происхождения и развития

§ 2. Заметки Ницше о вечном возвращении
в *Ессе homo* 64

§ 3. Обзор объяснений Ницше учения о вечном
возвращении. Отличие этих объяснений
от научных 69

§ 4. Первое объяснение учения о вечном возвращении,
данное в «Веселой науке» 74

- § 5. Второе объяснение учения о вечном возвращении,
данное в «Так говорил Заратустра» 87
- § 6. Несколько слов о внутренней связи двух
объяснений учения о вечном возвращении
и о том, каким образом мы размышляли о них. . . . 120
- § 7. Третье объяснение учения о вечном возвращении,
данное в «По ту сторону добра и зла» 123

Часть II

Сущность метафизической концепции и возможность таковой в истории европейской философии

Глава I

О понятии метафизической концепции

- § 19. Слово и понятие «метафизика».
Исходный вопрос метафизики $\tau\acute{\iota}\ \tau\omicron\delta\ \acute{\omicron}\nu$ 129
- § 20. Внутренняя структура исходного вопроса. 137

Глава II

Общая характеристика метафизической концепции Ницше

- § 21. Понятие метафизической концепции 143
- § 22. Философия Ницше
как конец европейской метафизики 148

ПРИЛОЖЕНИЕ

Элизабет Фёрстер-Ницше

- О создании «Так говорил Заратустра» 159

ЧТО ТАКОЕ МЕТАФИЗИКА?

ЧТО ТАКОЕ МЕТАФИЗИКА?

Что такое метафизика? Можно подумать, что далее последуют рассуждения о метафизике. Вовсе нет. Вместо этого мы рассмотрим конкретный метафизический вопрос, благодаря чему окажемся непосредственно в метафизике. Метафизика получит возможность представлять самое себя.

Начнем с постановки метафизического вопроса, затем попытаемся углубиться в него и закончим ответом.

ПОСТАНОВКА МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ВОПРОСА

Согласно Гегелю, с точки зрения здравого смысла философия — «вывернутый наизнанку мир». Поэтому наши намерения требуют предварительного разъяснения. Метафизическое вопрошание включает в себе два характерных аспекта.

Во-первых, каждый метафизический вопрос всегда охватывает всю проблематику метафизики в целом. Он всегда и есть это целое. Во-вторых, каждый метафизический вопрос может быть поставлен только таким образом, что спрашивающий как таковой также оказывается в сфере вопроса.

Отсюда следует, что метафизическое вопрошание должно относиться к целому и всегда основываться на конкретной ситуации вопрошающего. Мы спрашиваем здесь и теперь, для себя. В сообществе ученых, учителей и учащихся наше здесь-бытие* определяется наукой. Что происходит в основах нашего здесь-бытия, если наука стала нашей страстью?

Области наук не пересекаются. Их методологии кардинально различны. Разрозненное множество дисциплин сегодня объединяется лишь технической организацией университетов и факультетов, а относительный смысл им придают практические цели конкретных специальностей. Сами же науки стали поверхностными и более не укоренены в собственных основах.

Тем не менее во всех науках, если следуют их положениям, имеют дело с самим сущим. С точки зрения наук ни одна область исследований не имеет над другой никакого преимущества: ни природа над историей, ни наоборот. Ни одна методология не превосходит другую. Математическое познание не является более строгим, чем филологическо-историческое. Оно отличается лишь «точностью», не имеющей никакого отношения к строгости. Требовать точности от истории было бы прегрешением против понятия строгости в гуманитарных науках. Мировоззрение, на котором основываются науки, предполагает поиск сущего и затем превращение его, согласно форме и содержанию, в предмет исследований и основополагающих определений. В науках, по их самому принципу, осуществляется «приближение» к сути вещей.

Научное мировоззрение со своим особенным отношением к сущему опирается на определенную свободно выбранную человечеством позицию. Однако при до- и вненаучном образе мыслей и действий также имеют дело с самим сущим. Отличие науки в том, что она предоставляет первое и последнее слово исключительно самому предмету исследования. Подобное овеществление вопрошания, определений и обоснований ведет к ограниченности и подчинению сущему — как будто раскрытие сущего зависит лишь от него. Такой статус научных исследований и теорий, находящихся в услужении у сущего, дает им возможность претендовать на ведущую, хотя бы и ограниченную, роль во всем человеческом бытии. Научное мировоззрение, равно как и избранная человечеством по-

зиция, на которой оно основано, могут быть полностью поняты лишь при условии, что мы видим и сознаем суть этого мировоззрения. Человек — сущее среди прочего сущего — «занимается наукой». При этом «занятии» происходит вторжение одного сущего под названием «человек» во всю полноту сущего. То есть в этом вторжении и благодаря этому вторжению сущее раскрывает себя: что оно есть и как оно есть. Это вторжение помогает сущему прежде всего вернуться к самому себе.

Мировоззрение, позиция и вторжение — сие триединство вносит в научную экзистенцию ясность и простоту *здесь-бытия*. И если мы безоговорочно принимаем это научное *здесь-бытие*, то должны заявить:

— то, с чем имеет дело научное мировоззрение, есть само сущее и ничто иное;

— то, откуда исходят все позиции, есть само сущее и ничто другое;

— то, что исследуется при вторжении, есть само сущее и более ничего.

Удивительно, но когда человек научного мировоззрения формулирует свои важнейшие убеждения, говорит он еще и о чем-то другом: необходимо исследовать только сущее и ничто иное — исключительно сущее и ничто другое — ничего, кроме собственно сущего.

Какое такое «ничто, ничего»? Случайность ли, что мы так говорим? Ничто иное, как оборот речи?

Какое нам, собственно, дело до этого «ничто»? Наука отклоняет ничто, отбрасывает его как ничтожное. Однако отбрасывая ничто таким образом, разве тем самым его не признают? И можно ли вообще говорить о признании, если мы не признаем *ничего*? Правда, быть может, сие — всего лишь пустая игра слов. В ответ на это наука должна еще раз со всей строгостью и серьезностью заявить, что имеет дело исключительно с сущим. Чем может быть для науки ничто, как ни бредом и ужасом? Одно несомненно: наука ничего не желает знать о ничто. Таково окончательное строгое

научное отношение к ничто. Мы не хотим ничего знать о ничто, но именно тем самым как раз и знаем его.

Наука ничего не желает знать о ничто. Очевидно и следующее: пытаясь выразить собственную суть, наука призывает на помощь ничто. То есть использует то, что отвергает. Не свидетельствует ли это о некоем двуличии?

Размышляя о нашем сегодняшнем бытии, определяющимся наукой, мы пришли к противоречию. По ходу приведенных к тому рассуждений вопрос, по сути дела, уже возник. Осталось лишь сформулировать его: так как же обстоит дело с ничто?

УГЛУБЛЕНИЕ В ВОПРОС

Углубление в вопрос о ничто должно привести к очевидной возможности либо, наоборот, невозможности ответа. Итак, займемся ничто. Наука с высокомерным безразличием считает его «тем, чего нет».

Но всё же попытаемся поразмышлять о ничто. Что́ есть ничто? И сразу проблема: уже в самом вопросе мы заранее считаем ничто чем-то, что так или иначе «есть» — считаем его сущим. Коим оно, разумеется, не является. Вопросание о ничто — что́ оно есть и как оно есть — превращает то, о чем спрашивается, в свою противоположность. Вопрос лишает себя собственного предмета.

Соответственно, и всякий ответ на этот вопрос невозможен. Ведь вопрос неизбежно предполагает, что ничто «есть» то или другое. Как вопрос, так и ответ о ничто равно нелепы.

И для опровержения вовсе не обязательно привлекать науку. Основные правила всякого мышления — принцип непротиворечивости, общая «логика», снимают этот вопрос. Потому что мышление по своей сути — всегда мышление о чем-то, при попытке же мыслить ничто оно вступает в противоречие с собственной природой.

Поскольку ничто никак невозможно превратить во что-то, в предмет, мы со своим вопросом о ничто оказываемся в тупике... правда, в предположении, что в данном вопросе высшей инстанцией является «логика», что разум есть средство, а мышление — путь к изначальному пониманию ничто и выводу о возможности и способах его открытия.

Можно ли посягать на непогрешимость логики? Так ли уж очевидно и безусловно в вопросе о ничто господство разума? Несомненно, лишь с помощью разума мы вообще сумели определить ничто и поставить эту проблему, хотя бы и саморазрушительную. Ведь ничто есть отрицание всего сущего, просто не-сущее. То есть мы выводим ничто из отрицания, считая его результатом последнего. Отрицание же, согласно учению той же непогрешимой логики, суть специфическое действие разума. Разве возможно, поэтому, в вопросе о ничто, тем более при постановке такого вопроса, пытаться обойтись без помощи разума? Но так ли уж очевидны все наши предположения? Относятся ли «не», «отрицаемость» и отрицание к более высокому уровню, чем ничто, представляющее собой лишь особый результат отрицания? Известно ли нам ничто только благодаря «не» и отрицанию? Или наоборот? Быть может, как раз отрицание и «не» известны нам лишь благодаря ничто? Хотя ни то, ни другое не очевидно, подобный вопрос прежде не ставился. Мы утверждаем, что ничто изначальнее, нежели «не» и отрицание.

Если этот тезис верен, то такое действие разума, как отрицание, а вместе с тем и сам разум так или иначе зависят от ничто. Как же тогда он может судить о ничто? Не кажутся ли, поэтому, вопросы и ответы о ничто нелепыми лишь из-за слепого упрямства рассудка?

И если нас не смутит формальная невозможность вопроса о ничто, и мы несмотря ни на что всё же не снимем его, то должны будем по крайней мере выполнить основное требование, предъявляемое к любому вопросу, без которого даже рассматривать вообще ничего нельзя. Если

ставится под вопрос ничто, само по себе ничто, то прежде всего оно должно «где-то быть». У нас должна быть возможность каким-то образом встретиться с ним.

Где же искать ничто? Как же найти ничто? Когда что-то ищут, разве не должны быть уверены, что оно где-то есть? И в самом деле! Можно искать лишь в том случае, если предполагают наличие искомого. Но наше искомое — это ничто. А бывает ли поиск без подобного предположения — чистый поиск, так сказать?

Как бы то ни было, но мы знаем ничто даже просто по слову, часто повторяющемуся в повседневных разговорах. Этому обычному ничто, которое у всех на слуху, блёклому, как и всё прочее само собой разумеющееся, можно на скорую руку дать следующую дефиницию:

Ничто — это полное отрицание всего сущего.

Не указывает ли в конце концов это высказывание единственно верное направление поиска встречи с ничто?

Всё сущее сначала должно быть дано, чтобы его как таковое можно было подвергнуть отрицанию, при котором проявилось бы само ничто.

Даже если не обращать внимание на сомнительную взаимосвязь отрицания и ничто, как сделать доступным для нас, конечных существ, всю полноту сущего во всей ее всеобщности? Можно, конечно, представить себе всю полноту сущего как «идею», затем подвергнуть отрицанию это мысленное представление и «помыслить» результат отрицания. Действуя таким образом, можно прийти к формальному понятию воображаемого ничто, но ни в коем случае ни к самому ничто. Однако ничто есть ничто, и между воображаемым и «настоящим» ничто по сути дела нет никакого различия, ведь ничто являет собой абсолютную неразличимость. Но не скрывается ли в «настоящем» ничто снова то самое противоречивое понятие существующего ничто? И опять возражения разума сдерживают наш поиск, законность которого может быть подтверждена только непосредственным опытом ничто.

Совершенно очевидно, что мы никогда до конца не поймем всю полноту сущего, и точно так же очевидно, что мы пребываем посреди сущего, каким-то образом раскрытого в своей полноте. Однако большая разница между постижением самой по себе всей полноты сущего и пребыванием посреди полноты сущего. Первое принципиально невозможно. Второе происходит с нами постоянно.

Складывается впечатление, что в повседневных заботах мы постоянно привязаны то к одному, то к другому сущему — будто блуждаем в той или иной сфере сущего. Но какой фрагментарной ни казалась бы повседневность, в ней всегда сохраняется сущее, пусть и неявно, причем в некоем единстве со всей «полнотой». Как раз в те моменты, когда мы не особенно погружены в свои занятия и самих себя, наиболее отчетливо чувствуется эта «вся полнота», например, в совершеннейшей скуке. Когда просто надоела книга, спектакль, занятие или праздность — это еще не скука, она возникает лишь когда «кому-то скучно». Глубочайшая скука, безмолвным туманом клубящаяся в безднах бытия, сближает все вещи, людей и себя вместе с ними в каком-то удивительном безразличии ко всему. Такая скука открывает сущее в его полноте, сущее в целом.

Сущее в его полноте открывается также и в радости присутствия любимого человека.

Подобные состояния позволяют ощутить себя посреди всей полноты сущего, почувствовать силу ее влияния на себя.

Мало сказать, что состояния эти просто неким образом раскрывают полноту сущего: эти раскрытия отнюдь не пустяковые случайности, но важнейшие события нашего здесь-бытия.

То, что мы называем «чувством», — вовсе не поверхностное явление, сопутствующее нашим мыслительным и волевым усилиям, не всего лишь побудительный мотив для последних и не просто очередное настроение, с которым мы так или иначе смиряемся.

И всё же именно в тот момент, когда эти состояния подводят нас к сущему во всей полноте, они скрывают ничто, которое мы ищем. Возникают сомнения, что при отрицании открытого в таких состояниях сущего в его полноте можно столкнуться с ничто. Подобное непосредственным образом могло бы произойти лишь в состоянии, которое по самому своему смыслу раскрывает ничто.

Встречается ли в человеческом бытии состояние, приводящее к столкновению с ничто?

Такое столкновение возможно и случается на самом деле, хотя и достаточно редко и всего на мгновения, в состоянии экзистенциального страха (*die Angst*). Мы не имеем в виду обыкновенную боязнь, которая чем-то сродни нервозности, трусости. Экзистенциальный страх радикально отличается от обычного страха (*die Furcht*). Охваченные последним, мы боимся того или иного конкретного сущего, которое угрожает нам тем или иным, тоже вполне конкретным образом. Это всегда страх чего-то... — всегда бояться чего-то конкретного. Поскольку такой страх связан с относящимися к нему «чего-то» и «из-за чего-то», в полной зависимости от них находится и испытывающий этот страх. В стремлении освободиться, уйти от конкретной угрозы, забывают обо всем остальном — другими словами, просто «теряют голову».

Экзистенциальный страх исключает такую сумятицу. Наоборот, этому страху предшествует странное спокойствие. Разумеется, экзистенциальный страх — тоже всегда страх чего-то... но не чего-то конкретного. Боятся, скорее, не чего-то, а из-за чего-то... но не из-за чего-то конкретного. Невозможность определить, чего именно мы боимся и из-за чего, далеко не случайность: сие невозможно по сути. Тому существует известное объяснение.

В экзистенциальном страхе «становится не по себе». Но кому именно становится не по себе? Неизвестно к тому же, из-за чего становится «не по себе». Однако кому-то всё

же становится не по себе. Все вещи погружаются в некое безразличие и мы вместе с ними. Не то чтобы всё исчезает, напротив, отдаляясь от нас, все вещи обращаются к нам. Это отдаление сущего в целом, которое в экзистенциальном страхе окружает нас со всех сторон, вызывает гнетущее чувство. Ничего, на чем задержался бы взгляд. В ускользании сущего и остается лишь это самое «ничего».

Экзистенциальный страх открывает ничто**.

В экзистенциальном страхе мы находимся в неопределенном, взвешенном состоянии. Мы оказываемся в таком состоянии из-за ускользания сущего во всей полноте, спровоцированного экзистенциальным страхом. При этом и мы сами, как конкретные люди, существующие в полноте сущего, ускользаем от себя вместе с ним. Поэтому становится не по себе не индивидуальности — не «тебе» или «мне», но *кому-то*. В этой неопределенности и смятении остается одно только чистое здесь-бытие, которому более не на что опереться.

Экзистенциальный страх лишает нас слов. Сущее ускользает во всей полноте и проступает ничто, перед которым умолкает всякое «есть». В экзистенциальном страхе, когда становится по-настоящему не по себе, часто начинают говорить невпопад, лишь бы нарушить возникшую тишину, что только доказывает присутствие ничто. Когда экзистенциальный страх ослабевает, всякий сразу же может подтвердить, что в этом страхе и правда раскрывалось ничто. Покуда в нашем взоре еще свежо воспоминание, мы совершенно уверены: не было ничего такого, чего (и из-за чего) мы боялись — действительно *ничего*. И в самом деле, здесь было само и как таковое ничто.

В состоянии экзистенциального страха происходит наиважнейшее событие нашего здесь-бытия: становится очевидным ничто, которое теперь может быть поставлено под вопрос.

Так как же обстоит дело с ничто?

ОТВЕТ НА ВОПРОС

Единственно важный для нас ответ по сути дела уже получен, правда при условии, что мы позаботимся о том, чтобы поставленный вопрос о ничто оставался открытым. Для этого нужно как можно глубже рассмотреть инициируемое экзистенциальным страхом преобразование человека в его здесь-бытие и попытаться уловить открывающееся в этом состоянии ничто: понять, каким образом оно являет себя. Посему устанавливается строгое требование держаться подальше от всех объяснений ничто, не опирающихся на столкновение с ним.

Ничто раскрывается в экзистенциальном страхе, но не как сущее. Точно так же оно и не предмет познания. Экзистенциальный страх не приводит к пониманию ничто. В то же время ничто становится очевидным в экзистенциальном страхе и через этот страх, однако при этом оно не проявляется как что-то отдельное, имеющее место «поблизости» от сущего в целом, открывшегося и кажущегося чуждым в состоянии экзистенциального страха. Более того, ничто проявляется в экзистенциальном страхе вместе с сущим в целом как нечто одно. Что означает, «как одно»?

В экзистенциальном страхе сущее в целом меркнет, лишается значимости. В каком это смысле? Сущее не уничтожается экзистенциальным страхом, чтобы осталось ничто. Да и как могло бы такое случиться, ведь экзистенциальный страх совершенно бессилен против сущего в целом! Ничто именно и проявляется в единстве с сущим и при сущем, ускользающим во всей полноте.

В экзистенциальном страхе не происходит уничтожения самой по себе всей полноты сущего, тем более не применяется отрицание сущего в целом, чтобы найти ничто. Экзистенциальный страх как таковой не соотносится с применением отрицающего высказывания, но, будь и иначе,

Мартин Хайдеггер
ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

3-е издание

Корректор
Зоя Полосухина

Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой

Подписано в печать 23.08.2016. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 9,24. Тираж 1000. Заказ №.

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: +7 495 959-52-60. E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»

Розничный магазин «Гнозис» (с 10⁰⁰ до 19⁰⁰)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: 8 (499) 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: 8 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru

www.gnosisbooks.ru

vk.com/gnosisbooks